

А.И. Шейн

К проблеме гипонимических преобразований при переводе.

*При переходе от одного языка к другому изменения в наименовании часто не ограничиваются лишь заменой одного способа номинации другим, но связаны с изменением объема или границ самого обозначаемого понятия.
В.Г.Гак [1, с.44]*

В данной статье предпринимается попытка описать сущность такого вида переводческих преобразований, как гипонимическое преобразование, или конкретизация. Мы осветим основные сложности, возникающие при описании гипо-гиперонимических отношений (ГГО), которые лежат в основе гипонимических преобразований; покажем, что необходимость использования гипонимических преобразований вызывается, в частности, таким свойством лексики, как широкозначность, проявляющимся как на парадигматическом уровне, так и в синтагматике, при определенных контекстных условиях; в заключение будут представлены возможные классификации различных случаев гипонимических преобразований.

«Фиксация межъязыковой гипонимии и гиперонимии представляется необходимой в переводоведении» [2, с.76], так как ГГО не проявляются во всех языках с одинаковой регулярностью и нередко в силу различных причин лексической единице оригинала могут соответствовать в переводе «межъязыковой гипоним или гипероним», или «гипонимическое/гиперонимическое соответствие».¹ ГГО представляют собой один из видов универсальных парадигматических

отношений между словами. Сам термин был перенесен из логики в лингвистику Лайонсом [3, с.28] еще в 1963 году, однако у ученых до сих пор нет единого мнения относительно природы ГГО. В целом, эти отношения лежат в рамках оппозиции «общее-частное», или «выше-ниже».

Иногда ГГО приравнивается к отношениям включения, или импликации, которые, с одной стороны, отражают различные по степени обобщенности названия реальных и их классов в языке, т.е. родо-видовые отношения (нож – стилет), а с другой стороны, названия объектов и их частей, т.е. целого и части (например, рука – пальцы) [4, с.192].

Различие заключается в том, что родо-видовые отношения связаны с разными по степени абстрактности представлениями одной и той же реальности или классов реальных в языке, тогда как отношение «часть – целое» присуще только конкретным предметам, которые являются к тому же качественно разными, не сводимыми друг к другу. Чтобы различить два типа отношений, необходимо вместо слова, стоящего в иерархии ниже, подставить слово, занимающее более высокое положение. Такой способ обозначения возможен для отношений «род-вид», тогда как часть обычно не может быть названа в прямом смысле словом, обозначающим целое [4, 193].

В.Г. Гак, описывая различия между французской и русской лексикой, отмечал два вида гипонимических преобразований². При переводе с французского языка на русский используется преобразование на основе «иерархии быть» с переходом от родовых понятий к видовым.

¹ Термины В.С. Виноградова [2, с.99, 100].

² Этот вид переводческого преобразования В.Г. Гак также называл сужением или специализацией.

При переводе с русского языка на французский «синекдохическое» преобразование проходит по «иерархии иметь», основанной на отношении части и целого [1, с.136].

Вместе с тем, некоторые ученые не разделяют подобного подхода. Например, А.Д. Швейцер рассматривал синекдохический тип трансформаций отдельно от трансформаций, построенных на гипонимических и гиперонимических отношениях [5, с.135]. Е.Л. Гинзбург и Г.Е. Крейдлин [3, с.28] под ГГО понимают следующие отношения, с акцентом на пункте 1.:

1. вид – род;
2. подмножество – множество;
3. элемент – множество.

В классификации А. Вежбицкой [3, с.37] 4 вида родо-видовых отношений:

1. собственно родо-видовые отношения (sparrow, swallow, parrot – bird);
2. чисто функциональные обобщающие понятия (bicycle, rattle – toys);
3. имена совокупностей, образованных по смежности

3а. грамматически оформленные как *Singularia tantum* (furniture, cutlery, fruit, kitchenware)

3б. грамматически оформленные как *Pluralia tantum* (leftovers, spoils, contents, belongings)

4. гетерогенные множества и псевдосчетные имена (vegetables, drugs, medicines, vitamins, herbs, spices, cosmetics).

С.Д. Кацнельсон в центр своего исследования ставит обозначения понятий как следствие различий в структуре «понятийных полей», которые делятся на бинарные и полярные. «В случае бинарного

понятийного поля речь идет о соотношении двух дополнительных множеств А и В, в совокупности образующих надмножество С. В случае полярного понятийного поля противостоящие одно другому множества А и В не полностью исключают друг друга; между ними лежит более или менее обширная полоса постепенных переходов». [6, с. 77]

О бинарных полях писал еще Р.О. Якобсон, выделяя следующие возможности обозначения:

1. каждое обозначение получает свое особое, независимое в деривационном отношении наименование (день – ночь – сутки)
2. особые наименования получают только множества А и В, а наименование надмножества С образуется путем сложения наименований А и В. Например: жених – невеста – жених и невеста, Finger ‘палец руки’ – Zehe ‘палец ноги’ – Finger und Zehen ‘пальцы’
3. Особое наименование получает только одно из дополнительных множеств (А либо В) и надмножество С, другое дополнительное множество обозначается тем же словом, что и надмножество С... Например: кот – кошка – кошка (род)...

Отдельный разряд дополнительных множеств образуют две взаимодополняющие части в составе единого целого. В этих случаях объективной основой обозначения являются три множества: целостный предмет (С) и его составные части (А и В). Для иллюстрации этого типа логических отношений берутся различные обозначения такой части тела, как «рука», исследованные А.Б. Долгопольским на материале большого числа языков мира [6, с.78, 79].

Проблеме ГГО придается большое значение в когнитивной лингвистике. М.А. Кронгауз связывает ГГО с различными

теоретическими конструктами. «Описывая гипонимию, мы фактически задаем определенную таксономию, иными словами, классифицируем соответствующие объекты. Гипонимическая иерархия лексем, по существу представляет собой категоризацию фрагмента мира. Таким образом, гипонимия в языке отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира». [7, с. 178]

Интересное мнение высказывается на страницах сборника «Семантика и категоризация» [3, с.44]: «Нужно ли вообще распространять на язык представление о родо-видовых отношениях, заимствованных из логики?» Авторы сборника (Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина) утверждают некорректность использования понятия родо-видовых отношений, «исходно введенного для описания отношений между понятиями, а не между словами, т.е. логических, а не лингвистических» [3, с. 29]. «Распространение понятия на язык имело бы смысл при одновременном выполнении двух условий: (1) Термин «родо-видовые отношения» сохраняет свой исходный, т.е. разработанный в логике смысл; (2) В языке констатируется достаточно представительное количество пар слов, отношения между которыми могут быть названы родо-видовыми». [3, с. 29]

Авторы приходят к выводу, что в русском языке оба эти условия выполняются только для терминов, что делает распространение на всю лексику понятия «родо-видовые отношения» «проблематичным» [3, с.29].

Таким образом, задача дальнейших исследований должна заключаться, очевидно, в создании комплексной концепции,

учитывающей как необходимость использования универсальных мыслительных категорий, так и возможные границы применения логики в лингвистике.

К числу основных факторов, вызывающих гипонимические преобразования, относится свойство широкозначности. А.Д. Швейцер в качестве примера слов, которые характеризуются значительным расширением сферы своего употребления, приводит так называемую заголовочную лексику (*headline vocabulary, headlines*): *ban, bid, claim, crash, cut, dash, hit, move, pact, plea, probe, quit, quiz, rap, ..., rush, slash*. Ученый отмечает, что «*bid* — это не только 'предложение', 'заявка', 'попытка', но и 'шаг', 'инициатива', 'усилие', *hit* — не только 'наносить удар', 'причинять ущерб', 'попадать в цель', но и 'критиковать', 'обрушиваться на кого-л., разносить в пух и в прах'». [5, с.183]

Заранее отметим, что в дальнейшем мы будем использовать понятие широкозначности для наименования общего свойства лексики. Для наименования же лексических особенностей, представляющих трудность при сопоставлении двух или более языков и, в особенности, при переводе, мы будем прибегать к термину *недифференцированность*, как частному случаю широкозначности. Этим термином пользовались многие ученые, в том числе и Л.Г. Хорохорин [8, с.97], Я.И. Рецкер: «Очень многие лексические единицы этих двух (*английского и французского – А.Ш.*) языков являются недифференцированными, т.е. обозначают широкое понятие, не охватываемое в русском языке одним

словом³. Такие английские и французские слова относятся большей частью к категории абстрактных понятий» [10, с.18].

Как видим, изначально широкозначность рассматривалась на основе абстрактных имен существительных. Например, абстрактность французского языка, согласно В.Г. Гаку, проявляется в наличии большого числа «слов широкого понятия⁴», не имеющих точных параллелей в русском языке, а также в отсутствии системы уточняющих префиксов и суффиксов. «Из первых 100 знаменательных слов «Краткого французско-русского учебного словаря» (М., 1963) по меньшей мере 30 имеют более широкий объем, чем соответствующие русские лексемы. В русском переводе обнаруживаются или только гипонимы, или, наряду с гиперонимами, гипонимы, выражающие наиболее частное значение»⁵ [1, с. 77, 87].

В.Г. Гак различал два вида абстрактности, отражающих два отличных друг от друга направления мыслительной деятельности человека – отвлечение и обобщение⁶:

1. Отвлечение: абстрактные слова, обозначающие свойства, отношения, состояния предметов, отвлеченные от материальных вещей. На

³ Можно привести пример из другой пары языков: русскому глаголу «мочь» в немецком противостоят два дифференцированных по значению глагола «koennen» и «duerfen» [6, с. 76]. Примеры из русско-китайской пары языков: "Глагол "берет" (как бомбу, ежа, бритву, змею) во всех четырех случаях передан разными китайскими глаголами со сквозным значением "брать", но и со специфическими оттенками, связанными с теми предметами, которых касаются руки. Глаголы в китайском языке часто отличаются подробнейшей нюансировкой. Бомбу "обхватывают", "обнимают" (осторожно, как ребенка) "ежа" "принимают обеими вытянутыми руками"; "бритву "берут" (глагол с оттенком "брать пальцами" из всех четырех наиболее нейтральный), "змею" "поддерживают" (вся она не уместится в руках) [9, с.22].

⁴ Термин В.Г. Гака.

⁵ Хотя, в целом, как отмечает В.Г. Гак «абстрактность, недифференцированность знака относятся скорее не к языку как к таковому, а к речи». Это скорее специфический способ обозначения, нежели проявление особого типа мышления. [11, с.324]

семантическом уровне отношение между такими абстрактными словами и конкретными (человечность – человек) сводится ко взаимозамене сверхсемьи и дифференциальной семы, т.е. к метонимическому переносу.

2. **Обобщение:** слова, обозначающие, по сравнению с конкретными, более широкие понятия (на семантическом уровне – дифференциальная сема опускается). Слова с недифференцированным значением обозначают одно понятие, но настолько широкое, что оно охватывает ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами [1, 75-76].

Итак, согласно В.Г. Гаку, в первой группе представлены полисемичные слова, где значения развиваются «по вертикали», а во второй – слова широкой семантики (СШС)⁷, которые характеризуется развертыванием вторичных значений «по горизонтали».

В классификации абстрактной лексики А.А.Уфимцевой мы находим похожее разделение абстрактной лексики. В первой из четырех выделенных лексических групп представлены имена, выражающие в высшей степени обобщенное понятие признака, типа *гениальность*, *красота* и т.п. (результат изолирующей абстракции). Отдельную группу образуют имена, обозначающие категории реального мира, выступающие в роли родовых понятий по отношению к видовым: *чувство*, *вещество*, *движение* и т.п.) [12, с.84].

Известно, что расширение полисемии общеупотребительных слов до появления широкозначности является характерной чертой устной разговорной речи, например: «“The Mike Heafy Centre have given us the

⁶ Ср.: «Значение слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности – обобщении и абстракции» [6, с. 9].

⁷ Л.В. Кнорина использует термин «металексика» [12, с.78]; Ю.М. Козлов [13, с.37] предлагает более общий термин – «семантический эллипсис», введенный С.Е. Никитиной.

use of...the hall there once a week...which means that...the pressures on us are slightly reduced” где слово «pressures» выражает ряд значений, вытекающих из контекста ситуации:

- 1) финансовые проблемы;
- 2) неудобства, связанные с условиями работы;
- 3) попытки начальства оказывать давление на кого-либо» [14, с.32].

Способствует развитию широкозначности и такое свойство ненаучных понятий, как неопределенность, что, помимо прочего, дает дополнительные аргументы Р.М. Фрумкиной, А.В. Михееву и другим авторам сборника [3]. Нечеткость, расплывчатость границ лексического значения отмечалась многими учеными [15, с.142; 16, с. 73; 17, с.10; 18, с.27]. «Тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточны точны, иногда даже ошибочны (ср.: рыба-кит, солнце поднялось и т.п.)» [6, с.10]. В.Г. Гак предлагает разграничивать объективную и субъективную неопределенность [1, с. 43]. В первом случае понятийные ядра нечетко отграничиваются друг от друга. Например, многие части тела незаметно переходят друг в друга и трудно сказать, где граница между щекой и ртом. Происходит смешение наименований ввиду смежности понятий.

Субъективная неопределенность понятий возникает, когда говорящий в момент речи не очень ясно отдает себе отчет в различиях между сходными понятиями и предметами (наименования растений, животных, предметов быта) [1, с. 43-44]. Слова с широким значением часто используются в политической речи [19, с. 16]. Н.В. Рычкова

показала необходимость применения гипонимических преобразований на материале итальянского общественно-политической лексики. В качестве примера исследовательница использовала слово «l'impegno» «ответственность, долг, задача»:

1. «Indubbiamente al primo posto, nella vita di ognuno di noi, c'è l'esigenza di libertà; poi viene la scelta dell'impegno colectivo... («Без сомнения неотъемлемым условием для каждого из нас является свобода: затем общественная работа...»)

2. – E allora: Qual'è il modello da seguire? – Impegno senza modelli. La liberazione individuale è un cammino autonomo e non deve essere organizzato da una forza politica. (– Ну и что же теперь? Чему надо следовать? – Никаких моделей в выборе деятельности. Свободное развитие личности – личное дело каждого, и никакая политическая сила не должна влиять на это) [20, с.55-57].

Последний пример, как пишет Н.В. Рычкова, образец того, «как может «вымываться» значение абстрактного слова, каким оно становится туманным, аллюзивным, неуловимым для русского читателя» [20, с.57].

Именно такие типы употребления представляют собой крайний случай СШС. «Десемантизированные», «семантически опустошенные» слова сохраняют архисему, но утрачивают дифференциальную сему, теряя способность самостоятельно соотноситься с объектом действительности. «Слова становятся трафаретными и поддаются как бы семантическому износу» [15, с. 179].

«Некоторые из высокочастотных лексем легко подхватываются говорящим, когда он не уделяет особого внимания тщательному отбору слов. Эти выражения у всех на слуху, и поэтому для их извлечения из

памяти не требуется никакого интеллектуального усилия. Обычно они используются вместо других, более конкретных лексем» [15, с. 179].

Например:

‘Greedy beggars!’ he observed, making for the provender. ‘Why didn't you invite me, Ratty?’ ‘This was an impromptu **affair**,’ explained the Rat. (ГК, р.15).

– Вот жадюги! – сказал он, направляясь к разложенным на скатерти яствам. – Ты чего ж не пригласил меня, Рэтти?

– Да мы как-то неожиданно **собрались**, – пояснил дядюшка Рэт. (ГК, с. 165).

Если такое употребление слова носит более или менее регулярный характер, то в конструкциях определенного типа происходит грамматикализация слова: оно отходит от своего прямого значения и выражает лишь общие отношения и связи, которые в языке могут выражаться служебными средствами. Слово начинает выполнять заместительную функцию. Н.Д. Арутюнова, в частности, писала, что «номинализации повествовательного предложения... соотносительны с существительным факт. Это имя в подавляющем большинстве «может их вводить, замещать, а также использоваться в качестве их предиката... Имя *факт* представляется некоторым обобщением значения номинализаций... Семантика имени *факт*, как и многих других абстрактных имен, расшатана не только небрежным с собой обращением говорящих и пишущих, но и вследствие своего промежуточного положения по отношению к категориям мышления и коммуникации, с одной стороны, и явлениям действительности – с другой. Значение этого имени не является ни единой, ни стабильной величиной... Постепенно

отрываясь от плана знаний и констатаций, *факт* приближается по значению к таким именам, как *событие, происшествие, случай, обстоятельство, явление действительности...*» [21, с. 339].

В работе О.А. Фирсова [22, с.137-145], представляющей собой практические рекомендации переводчикам, существует отдельная глава, озаглавленная «Трансформации, связанные с десемантизацией английских слов». В неполный перечень таких слов, установленных из «переводческой практики», вошли слова «*affair*», «*bid*», «*business*», «*case*», «*challenge*», «*facility*», «*failure*», «*idea*», «*outfit*», «*pattern*», «*performance*», «*piece*», «*place*», «*point*», «*probe*», «*record*», «*stuff*», «*thing*» и т.д. Причина частого использования этих слов и трудность их перевода заключается в том, что «английские слова этой категории обладают большей способностью по сравнению с аналогичными им русскими словами вступать в сочетании с другими словами» [22, с.138]. Например: “Election observers from the Organization for Security and Cooperation in Europe concluded that the March 19 balloting was not free and fair, citing a “**pattern** of intimidation” by the state throughout the campaign.” (WP, p.12)

Изначально, как показал В.Г. Гак, к расширению значения и к десемантизации приводит частое нарушение правил семантического согласования. Кроме этого, в частности, во французском, менее четкими представляются различия между членами одной и той же лексико-семантической группы (ЛСГ) и между абстрактным и конкретными терминами в том смысле, что первый слишком часто употребляется вместо второго [11, с. 327-328].

Опущение общего компонента в одном из слагаемых словосочетания приводит к обобщению способа описания: «змея

приближается к норе» вместо «змея ползет к норе». «Семантика, лишенная конкретизирующих компонентов, становится абстрактной и способной к употреблению в самых различных контекстах» [1, с.26].

Для определения роли контекста в конкретном отрезке текста В.Г. Гак предлагает использовать формулу (правило) А. Соважо (Sauvageot): $Q = E + C$, где Q – количество информации, E – высказывание, C – контекст. Правило можно сформулировать следующим образом: при уменьшении информативности элементов высказывания (E) возрастает информативность значения контекста (C). [1, с.149]

Например, французское высказывание более экономично в структурном и семантическом плане, но и более зависимо от ситуации. «Если ситуация или контекст достаточно ясно определили элемент, то используются уже более отвлеченные, широкие по значению средства выражения» [11, с.324]. «Поскольку знание ситуации снимает неопределенность в отношении некоторых различительных черт денотата, то становится возможным использование более экономного знака с сокращенным числом сем» [1, с.22].

Итак, мы рассмотрели понятие широкозначности, которое, по мнению большинства ученых, свойственно абстрактной лексике. Теперь нам хотелось бы показать, что широкозначность – свойство универсальное: его можно распространить с СШС не только на абстрактные отвлечения, но и на конкретные имена существительные. В целом, «широкозначность характеризует скорее «качество того или иного ЛСВ (лексико-семантического варианта) в рамках какого-нибудь многозначного слова [23, с.51]. Недифференцированность приводит к гипонимическим преобразованиям не только у абстрактных имен

существительных, но и у других категорий лексики. «Противопоставление значений слов по их конкретности/абстрактности не бинарно, а градуально, связано со шкалой». [12, с.85]

Попытка разработки подобной шкалы отмечены у Матузковой [24], Л.О. Чернейко [25]. Безусловно, существуют слова, тяготеющие к полюсу конкретности, и слова, тяготеющие к полюсу абстрактности. Вероятно, различаются и методы их описания. В работе итальянского лингвиста М. Монелья на примере двух итальянских глаголов – *correre* «бежать» и *allevare* «поднимать» показано, что значение первого из них – более конкретного, имеющего денотат, более адекватно моделируется средствами теории прототипов, разрабатываемой когнитивной семантикой, а значение второго, более абстрактного – посредством набора необходимых и достаточных условий, выявляемых более привычными методами семантического анализа» [12, с. 84-85].

Исследования О.С. Габдрафиковой в области гиперогипонимических связей на базе слов-наименований человека, слов-наименований одежды и слов-наименований эмоций (последняя группа представлена абстрактной лексикой) показали, что гиперогипонимические связи присутствуют в семантической структуре всего лишь трех слов-наименований эмоций из 50. Внутрисловные семантические связи слов-наименований эмоции схематично могут быть изображены следующим образом: 1. что это такое; 2. что ее вызывает (причина); 3. как она проявляется внешне и т.д. [26, с. 34-42]

В таком случае перевод, осуществленный в виде перехода от общего понятия абстрактного слова категории отвлечения к причине явления или к типу его манифестации, не будет подходить под

определение гипонимических преобразований. Такой перевод логичнее было бы описать в терминах метонимии.

А вот переход от абстрактного понятия одного языка к одному или сразу нескольким абстрактным понятиям другого языка может характеризоваться как гипонимическое преобразование. А. Вежицкая [27, с.508-515] провела сравнение обозначений понятия «грусть» в русском и английском языках. Приводимая ей статистика показывает наличие в русском языке трех общеупотребительных повседневных слова (грусть, тоска, печаль) в той области, в которой в английском языке есть только одно (sadness).

Примеры подобных случаев при переводе с русского языка на английский можно встретить у М. Берди и Л. Виссон.

«The noun пошлость and its adjective пошлый are what linguists call “key words”: words that have a profound meaning for a culture and define its values. Language nuts love them for it; translators loathe them because they often have no equivalents in other languages... Today пошлый is most often used in the sense of “crude” or “vulgar”: пошлый анекдот (an off-colour joke), пошлый намек (innuendo), or пошлый юмор (crude humour)...

But then there is a cosmic key meaning of пошлость, which often has nothing to do with the risqué. Vladimir Nabokov once dedicated 11 pages to defining it, and in the end, even he, that master of words, resorted more to examples than to definitions. He preferred to transliterate what he called this “fat brute of a word” as poshlust to capture its inelegant plop and slurp – and also, one must assume, because lust is to love as пошлость is to all that is genuine, fine, moral, beautiful and true. For as Nabokov says, пошлость is “not only the obviously trashy but also *the falsely important, the falsely*

beautiful, the falsely clever, the falsely attractive (курсив наш – А.Ш.).” It’s an expanded sense of “devoid of meaning”: a pretense of beauty and depth without heart of soul» [28, с.9].

Как видим, гиперсемой выступает «falsely», а в качестве гипосемы может быть и «beautiful», и «clever», и «attractive» и т.д. Таким образом, русские слова «пошлый», «пошлость» охватывают ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами, и могут считаться недифференцированными по сравнению с английскими словами.

На примере фразы из повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек» Л.Виссон показывает трудности, с которыми сталкивается переводчик при попытке передать эти широкозначные понятия русского языка. В английском языке, например для слова «злой», выбор приходится делать между «bad», «wicked», «spiteful», «loathsome», «mean», «nasty», «vicious», «unkind», «evil» [30, с.41-46].

Что касается примеров проявления недифференцированности на уровне конкретных имен существительных, можно, в частности, вернуться к упомянутой выше классификации родо-видовых отношений у А. Вежбицкой [3, с.37]. В своих статьях М. Берди не раз рассматривала подобные случаи. Например, слово «батя» может переводиться как «father», «friend», «husband», «leader», «priest» [31, с.8], слово "test" – как «экзамен», «анализ», «проверка», «испытание», «контрольная работа» и «тест» [32, с.8].

Приведём пример из перевода художественной литературы:

‘And you really live by the river? What a jolly life!’

'By it and with it and on it and in it,' said the Rat. 'It's brother and sister to me, and aunts, and company, and food and drink, and (naturally) **washing**. (ГК, р. 13)

– И ты всегда живешь у реки? Это, должно быть, здорово!

– Возле реки, и в реке, и вместе с рекой, и на реке. Она мне брат и сестра, и все тетки, вместе взятые, она и приятель, и еда, и питье, и, конечно, как ты понимаешь, **баня и прачечная**. (ГК, с. 162)

Таким образом, можно утверждать, что явление широкозначности и, соответственно, недифференцированности, характерно для всех слоев лексики.

На основе анализа примеров представляется возможным выделить типы гипонимических преобразований в зависимости от факторов, которые вызывают их применение: семантически, прагматически и синтаксически обусловленные гипонимические преобразования⁸. Семантические преобразования вызываются несовпадением тезаурусных сеток, различиями в моделях сочетаемости и т.д., тогда как прагматически обусловленные преобразования («экспрессивная конкретизация», по Рецкеру) необходимы для передачи имплицитного экспрессивного, эмоционального, ассоциативного и т.п. содержания. Синтаксически обусловленные преобразования провоцируются структурными расхождениями языка оригинала и перевода. Сюда относятся, в основном, случаи использования местоимений и глаголов «do», «have», местоимений «it», «any» в заместительной функции. Например:

⁸ Отметим, что указанные типы связаны с категориями семиотики: синтактика, семантика и прагматика.

1. **Give** me a little wine if you please, my dear Miss Briggs, and let us be friends (Thackeray) — "Пожалуйста, **налейте** мне немного вина, дорогая мисс Бриге, и давайте будем друзьями" [5, с.130]

2. 'It's only what I always take on these little excursions; and the other animals are always telling me that I'm a **mean beast** and cut it VERY fine!' (GK, p.13)

– Но я всегда беру все это с собой на непродолжительные прогулки, и мои друзья каждый раз мне говорят, что я **скупердяй** и делаю слишком ничтожные запасы. (ГК, с.162)

3. This part of **it** lasts thirty two minutes... (DR, 85) – Эта часть **путешествия** длится тридцать две минуты...(ДР1, с. 88-89)

В силу объективно существующего деления на язык и речь, а также в силу творческого характера переводческих преобразований, гипонимические преобразования также можно, следуя примеру Л.С. Бархударова [33, с.212], делить на языковые и контекстуальные (или речевые), или очевидные и неочевидные. Несмотря на внешнюю субъективность и такого деления и отсутствие резко очерченных границ, оно представляется нам правомерным. Первая группа объединяет случаи, когда неизбежность применения преобразования не вызывает сомнений (случаи употребления классических случаев типа «meal», «mount», когда в русском языке гипероним отсутствует, но достаточно легко установить адекватное соответствие: выбор между вариантами невелик – «завтрак», «обед», «ужин», возможно, «еда», «пища», или «лошадь, осел, велосипед...»). Ко второй группе относятся случаи, когда сам переводчик, в зависимости от собственных представлений о правилах сочетаемости, от художественного вкуса и знания авторского замысла, принимает решение об использовании гипонимического

преобразования. В.С. Виноградов пишет, что «для *гипонимических соответствий* характерна... более высокая степень сознательности выбора...» Появляются эти соответствия в русском переводе лишь в связи с языковым контекстом, творцом которого является конкретный переводчик. «Другой переводчик, возможно, использовал бы прямые соответствия, а не видо-родовые» [2, с. 100-101]. Например, сравним два перевода одного предложения:

I have always liked the process of commuting: every phase of the little journey is a pleasure to me (DR, p.85).

1. Мне всегда нравилось ездить ежедневно на работу из пригорода в город и обратно: каждая минута этого небольшого путешествия доставляет мне удовольствие (ДР1, с.88).
2. Каждый этап этого маленького путешествия доставляет мне удовольствие. (ДР2, с.314).

Помимо указания случаев использования гипонимических преобразований, мы также можем обозначить те случаи, когда применять их нежелательно. В частности, отмечалось, что избегать излишней детализации следует при переводе отрезка текста, который представляет собой художественный прием остранения [34, с.97-114].

И.М. Кобозева указывает на следующие ситуации, когда применение более конкретных имен было бы нежелательно или не естественно:

1. когда в данных условиях справедливо более широкое обобщение (*Нельзя есть немые фрукты* вместо *Нельзя есть немые яблоки*);
2. когда употребление лексемы базового уровня категоризации будет избыточным из-за очень высокой степени заданности ее референта в

ситуации общения (на выставке собак член жюри скажет скорее не *Собака в отличной форме*, а *Животное в отличной форме*);

3. при выражении сочувствия, ср. *Бедный ребенок!* (обращение к плачущей девочке или мальчику) или *Несчастное животное!* (при виде побитой собаки или кошки);

4. не возможности (из-за незнания) или нежелания быть более точным, ср. *Что у тебя в коробке? – Музыкальный инструмент*;

5. для демонстрации того, что являешься экспертом в соответствующей области, сталкиваясь с некоторым классом вещей ежедневно, ср. *камешки* вместо *алмазы* в устах ювелира. [12, с. 102-103]

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что, несмотря на обширную литературу по теме ГГО, сущность данных отношений недостаточно четко определена. Тем не менее можно с определенной долей уверенности утверждать, что гиперонимические преобразования при переводе вызываются таким свойством лексики, как широкозначность, которое в аспекте перевода уместно обозначить термином недифференцированность. Свойство широкозначности универсальное, может наблюдаться у всех категорий лексики и представляет трудность для переводчика любой пары языков.

Кроме того, возможно рассмотрение гипонимических преобразований в рамках семиотики и создание классификаций по степени сложности гипонимических преобразований (с учетом идиостиля переводчика).

В ходе дальнейших исследований было бы целесообразно очертить круг явлений, подпадающих под ГГО, с тем, чтобы, по мере возможности, разработать алгоритм гипонимических преобразований

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/sciencesya.html>

при переводе с английского языка на русский; четко сформулировать факторы данного типа преобразований и предложить практикующим переводчикам набор рекомендаций по их применению.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1977. – 264 с.
2. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, — 224 с.
3. *Семантика и категоризация* / Отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
4. *Общее языкознание* / Отв. ред. А.Е. Супрун. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. – 456 с.
5. *Швейцер А.Д.* Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
6. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. – М.: УРСС, 2004. – 110 с.
7. *Кронгауз М.А.* Семантика. – М.: УРСС, 2001. – 399 с.
8. *Хорохорин Л. Г.* Некоторые замечания о многозначности и недифференцированности слов в двуязычных словарях // Тетради переводчика. – Вып. №2. – М.: Международные отношения, 1969. – с. 96-99.
9. *Щичко В.Ф.* Конкретизация при переводе. // Мир китайского языка. – Вып. 4. – М.: ИД "Муравей", 1999. – 63 с.
10. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М., Международные отношения, 1974. – 216 с.
11. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. – М.: КомКнига, 2006. – 336 с.

12. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
13. *Козлов Ю.М.* Семантический эллипсис и семантический нуль // Тетради переводчика. – Вып. 25. – М.: МГЛУ, 2004. – 166 с.
14. *Мухортов Д. С.* Вариативность значения слова в функционально дифференцированной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 27 с.
15. *Комлев Н.Г.* Слово в речи. – М.: УРСС, 2003. – 216 с.
16. *Шрамм А.Н.* Очерки о семантике качественных прилагательных, изд-во Ленинградского университета. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1979 – 135 с.
17. *Бархударов Л.С.* Контекстуальное значение слова и перевод. – М., 1984. – с.3-16 (Тр./МГПИИЯ им. Мореса Тореза; вып. 238)
18. *Колианский Г.В.* Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 148 с.
19. *Гак В.Г.* Григорьев Б.В. Теория и практика перевода. – М.: Интердиалект+, 1997. – 454 с.
20. *Рычкова Н.В.* Некоторые лингвистические и прагматические особенности перевода абстрактных существительных в общественно-политической лексике // Семантико-прагматические аспекты текста и перевода. – М., 1987. – 53-59 (Тр./МГПИИЯ им. Мореса Тореза; вып. 297).
21. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 368 с.
22. *Фирсов О.А.* Перевод с английского языка на русский и его комментарий. – М.: Компания Спутник, 2003. – 198 с.

23. *Джоламанова Б.Д.* Имя существительное с широким значением в лексической системе современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 189 с.
24. *Матузкова Е.П.* Гипо-гиперонимические отношения в оригинале и переводе англоязычной художественной прозы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1989. – 17 с.
25. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ, 1998. – 320 с.
26. *Габдрафикова О.С.* Гиперо-гипонимические связи общеупотребительных значений в рамках английского языка // Английский лексикон в лингвистическом и культурном пространстве. – Вып. 400. – М., 1992. – с. 34-42.
27. *Вежбицкая А.* Лексическая семантика в культурно-составительном аспекте // Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 780 с.
28. *Berdy M. A.* A Common Problem to Pin Down. – Moscow: The Moscow Times, Friday, September 2, 2005. – p. 9.
29. *Виссон Л.* Несколько фраз из повести Достоевского // Мосты. – Вып. 5 – М.; Р. Валент, 1995. – с. 41-47.
30. *Berdy M. A.* Old Man Lukashenko. – Moscow: The Moscow Times, Friday, March 31, 2006. – p. 8.
31. *Berdy M. A.* This Is a Test, Only a Test. – Moscow: The Moscow Times, Friday, April 7, 2006. – p. 8.
32. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

33. Бузаджи Д.М. Художественный прием остранения в контексте переводоведения // Семантические и стилистические аспекты перевода. – М., 2005. – с. 97-114 (Вестник МГЛУ; вып. 506).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

WP – Washington Post, U.S. to Sanction Belarus for Stifling Protests, By William Branigin. – Saturday, March 25, 2006. p. A12.

GK – Grahame K. Wind in the Willows.

ГК – Грэхэм К. Ветер в ивах. Москва Изд-во Радуга, 2004 350 с.

DR – Roald Dahl. Galloping Foxley // Someone Like You. – New York: Penguin Books, 1980. – 271 p.

ДР1 – Роальд Даль. Скачущий Фоксли // Рассказы. – М.: Захаров, 2000. – 303 с.

ДР2 – Роалд Дал. Скакун Фоксли // Лакомый кусочек. – М.: Эксмо Пресс, 2001. – 416 с.